

ДЖОРДЖ МЭЛЛОРИ
ПОКОРЯЯ
ЭВЕРЕСТ

ВЕЛИЧАЙШАЯ
ТАЙНА
В ИСТОРИИ
АЛЬПИНИЗМА

СИЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Сильная история

Джордж Мэллори
Покоряя Эверест

«Издательство АСТ»

2012

УДК 796.525
ББК 75.82

Мэллори Д.

Покоряя Эверест / Д. Мэллори — «Издательство АСТ»,
2012 — (Сильная история)

ISBN 978-5-17-156470-4

Джордж Мэллори – британский альпинист и участник трех экспедиций на Эверест в 1920-х. Во время учебы в Винчестерском колледже учитель пригласил Мэллори принять участие в восхождении на Альпы – с этого началась большая любовь к альпинизму, определившая всю дальнейшую жизнь Джорджа Мэллори. Влюбленный в свое дело, он не только покорял вершины, но и старался задокументировать каждый поход. Перед вами наследие Джорджа Мэллори: рецензии, статьи и путевые заметки, включая последние записи, сделанные перед исчезновением альпиниста. Он предпринял три попытки, последняя из которых стоила ему жизни. До сих пор не существует однозначного ответа на вопрос, был ли Джордж Мэллори первым покорителем Эвереста...

УДК 796.525

ББК 75.82

ISBN 978-5-17-156470-4

© Мэллори Д., 2012
© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Введение	6
Покоряя Эверест	10
Глава первая. Альпинизм как искусство	10
Глава вторая. Альпинистское ремесло	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джордж Мэллори Покоряя Эверест

Peter Gillman editing George Leigh Mallory
CLIMBING EVEREST

© Предисловие Peter Gillman, 2012

© Перевод. О. Хомченко, 2022

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2023

Введение

Питер Гиллман

12 апреля 1922 года Джордж Мэллори сел писать письмо своей жене Рут. Британская экспедиция на Эверест только что достигла тибетского города-крепости Кампа-Дзонг, пробившись сквозь снежную бурю, которая стерла их следы и превратила Тибетское нагорье в пустошь из снега и льда. Как рассказал Мэллори, на нем было два комплекта нижнего белья – один шерстяной, другой шелковый; плюс фланелевая рубашка, жилет с рукавами, куртка из овечьей кожи и пальто от Burberry¹, а также брюки-гольф², две пары шерстяных чулок и пара сапог из овчины. И все же его руки так замерзли, писал он Рут, что пальцы едва держали перо.

Об упорстве и преданности делу Мэллори ярко говорит то, что он завершил свое письмо, рассказав Рут о «тнях гор, движущихся по равнинам» и «нежных оттенках красного, желтого и коричневого» пейзажа до того, как выпал снег. Это также хорошо характеризует Мэллори как писателя. Он считал своим первоочередным долгом перед потомками добросовестно описывать достопримечательности и события, с которыми столкнулась экспедиция 1922 года во время трудного пятидневного восхождения на Эверест. В дни, когда история все еще писалась пером и чернилами, письма были жизненно важными звеньями в цепи свидетельств, и Мэллори, безусловно, осознавал роль экспедиции в развивающейся саге о географических открытиях.

Его творчество также служило более личным целям. Джордж и Рут Мэллори поженились в июле 1914 года, в самый канун Первой мировой войны. Будучи офицером-артиллеристом, Мэллори провел на Западном фронте полтора года, не считая перерывов. Все это время они с Рут поддерживали свой брак, регулярно переписываясь, в случае Рут – каждый божий день. Таким образом, когда Мэллори отправился на Эверест – в третий раз за четыре года, – они продолжили обмениваться письмами, пытаясь таким способом сберечь отношения и любовь. И во время войны, и пока Мэллори был на Эвересте, их беседы всегда были трогательно открытыми: Рут рассказывает Джорджу о последних поступках (и проступках) их троих маленьких детей, Клэр, Берри и Джона. Она пишет о своих домашних заботах, о встречах с родителями Джорджа и со своими родителями, о состоянии сада в их доме в Годалминге, графстве Суррей. Джордж охотно обменивается сведениями: делится мнением о братьях-офицерах на Западном фронте и товарищах-альпинистах, а также описывает наиболее важные детали как войны во Франции, так и экспедиции в Тибете. Письма выглядят еще трогательнее, если учесть, что их любовь оказалась обречена: ей суждено было оборваться, когда Мэллори пропал недалеко от вершины Эвереста менее чем через десять лет после их свадьбы.

Вернувшись домой в Годалминг, Мэллори, говоря современным языком, переработал свои письма, чтобы внести вклад в официальные журналы экспедиций. Хотя он исключил менее сдержанные упоминания о своих товарищах-альпинистах, суть повествования и качество его описаний в конечном счете остались прежними. Отчет, состоящий из шести глав, «Разведка Эвереста 1921 года», еще больше контрастирует с одиннадцатью пресными, скучными главами, написанными подполковником Чарльзом Говардом-Бьюри³, руководителем экспедиции, – Мэллори справедливо охарактеризовал их как «ужасно скверные».

---

¹ Burberry Group Plc (произносится «Бёрберри груп пи-эл-си») – британская компания, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии. Основана в 1856 году Томасом Бёрберри. Здесь и далее – прим. пер.

² В оригинале plus fours – это бриджи или брюки, чья длина по сравнению с традиционными больше на четыре дюйма (10 см) ниже колена (отсюда и название). Вошли в моду в качестве спортивной одежды в 1920-е годы.

³ Чарльз Кеннет Говард-Бьюри (1881–1963) – британско-ирландский военный, исследователь, ботаник и консервативный политик.

Именно в ответ на такую монотонную прозу, лишённую всякой живописности, Мэллори и развивал собственный стиль изложения, на который повлияло его участие в Блумсберийском кружке⁴ и так называемой Кембриджской школе дружбы, где ставились во главу эмоциональная открытость и честность. Мэллори считал жизненно важным, чтобы записи альпинистов действовали и на эмоциональном уровне, раскрывая чувства участников и пытаясь вызвать их у читателя. Он избегал чопорности традиционной альпинистской прозы, авторы которой изо всех сил старались скрыть свои чувства за слоями иронии и недосказанности.

Мэллори любил придумывать новые эпитеты: в крошечном поселении Шилинг во время марша 1921 года он писал, как «ветер яростно вздымал песок и уносил его с подветренной стороны, превращая мертвую плоскую поверхность в извивающееся море мокрого шелка»⁵. Такие описательные штрихи иллюстрируют главное удовольствие и одну из ключевых мотиваций жизни Джорджа – радость от новых впечатлений и его желание описать их так, чтобы остальные, начиная с его любимой Рут, тоже смогли ее ощутить.

Мэллори приступил к этому процессу по меньшей мере десять лет назад. Его опубликованный сборник невелик: он написал в общей сложности шесть статей для двух главных альпинистских изданий того времени: *The Alpine Journal*⁶, издаваемого «Альпийским клубом», и *Climbers Club Journal*⁷. Первая из них, «Альпинизм как искусство», написанная в 1913 году, освещает его теории как об альпинистской литературе, так и о писательстве в целом.

Непосредственной темой Мэллори было значение риска в альпинизме. Важно, что он поднял этот вопрос, поскольку практикующие скалолазы могут вводить в заблуждение себя, семью и друзей, полагая, что их занятие не является чрезмерно опасным лишь потому, что они строго соблюдают правила безопасности. Также важно и то, что Мэллори написал свою статью в момент, когда ядро британского альпинизма – его избранный круг – было потрясено гибелью нескольких своих участников из-за несчастных случаев при восхождении в Сноудонии⁸ и Альпах.

Среди тех, кого больше всех огорчили эти смерти, был Джеффри Уинтроп Янг⁹ – один из импресарио британского мира скалолазания и главный спонсор карьеры Мэллори. Янг отметил, что гибель товарищей ознаменовала конец «эпохи невинности» скалолазания. Мэллори отважно взялся за эти проблемы в статье, тщательно исследуя опыт альпинистов и стараясь передать ритмы эстетической и эмоциональной притягательности восхождения через метафору симфонии. Джордж не был уверен, достигла ли его статья своей цели. Она представляла собой дальновидную попытку определить эмоциональную суть всех спортивных событий, которая предвосхитила волну спортивных публикаций настоящего времени.

Мэллори возобновил эти исследования в своей второй статье, «Монблан¹⁰ с Коль-дю-Жеан¹¹ у восточного выступа Мон-Моди¹²», написанной в 1917 году, когда он был вдали от

---

⁴ Bloomsbury Group – группа Блумсбери, или «Блумсберийский кружок», – элитарная группа английских интеллектуалов, писателей и художников, выпускников Кембриджа, объединённых сложными семейными, дружескими, творческими отношениями.

⁵ Цитата здесь взята из текста самого Мэллори, из главы «Чёрные скалы: Северный подход».

⁶ «Альпийский журнал» – ежегодное издание лондонского «Альпийского клуба», старейший альпинистский журнал в мире. Впервые был опубликован 2 марта 1863 года.

⁷ «Журнал клуба скалолазания» – один из крупнейших издателей путеводителей по скалолазанию в альпинистских районах Англии и Уэльса.

⁸ Сноудония (англ. Snowdonia) – регион на севере Уэльса. Английское название местности происходит от горы Сноудон, высочайшей точки Уэльса (1 085 м).

⁹ Джеффри Уинтроп Янг (1876–1958) – английский альпинист, писатель и педагог.

¹⁰ Монблан (фр. Mont Blanc, букв. «белая гора») – горный массив, самая высокая вершина которого достигает 4 810 м. Расположен в Западных Альпах, входящих в горную систему Альпы.

¹¹ Коль-дю-Жеан (букв. «гигантский перевал») высотой 3 356 метров является главным проходом массива Монблан между Курмайором в долине Аоста и Шамони-Монблан в долине Арве.

фронта в армейском тренировочном лагере в Винчестере. Джордж заметил, что для выстраивания противостояния между альпинистом и горой обычно используется терминология конфликта и войны. В его статье описывается восхождение на гору Мон-Моди и соседний с ней Монблан, которое он предпринял с двумя друзьями в 1911 году. На сей раз Мэллори изображает восхождение как внутреннее путешествие, передавая свои действия через эмоциональные реакции на последовательность событий – от чувства вины за то, что он опрокинул котелок, готовя завтрак, до тревоги по поводу самого опасного участка восхождения. Затем, на вершине, Мэллори отвергает понятия победы и завоевания. В его наиболее часто цитируемом отрывке написано: «Мы не ликуем, но пребываем в чистом восторге, мы радостны и ошеломлены... Победили ли мы врага? Нет, но самих себя...»

Вскоре после этого Мэллори попытался построить карьеру, частично основанную на писательстве. Он работал учителем в школе Чартерхаус в Годалминге, но уволился, чтобы присоединиться к первой британской экспедиции на Эверест – разведывательной миссии 1921 года. Ключевой ролью Мэллори стало определение потенциального маршрута к вершине с севера. Он планировал зарабатывать на жизнь писательством и преподаванием, однако не получил той прибыли, на которую рассчитывал. Осенью 1923 года он переехал с семьей в Кембридж, где занял должность преподавателя истории на заочном отделении.

Злая ирония в том, что одной из причин отказа от писательской карьеры стала скупость Комитета по восхождению на Эверест, организовавшего три экспедиции, в которых Мэллори принимал участие. Когда он предоставил свои главы для отчета о разведке 1921 года, то сделал это в полной уверенности, что ему заплатят за его труды. Однако к ноябрю 1923 года, всего за три месяца до того, как он отправился в свою третью и последнюю экспедицию, Мэллори все еще не заплатили. Тогда он надавил на комитет, но получил туманный ответ. Комитет отменил предыдущее обязательство и заявил Мэллори, что никаких выплат не будет, при этом ханжески добавив: «Мы высоко оценили ваш вклад».

Не ясно, оценил ли комитет качество вклада Мэллори, ведь он радикально отличался от напыщенного отчета Говарда-Бьюри, руководителя разведки. Этот отчет – лучшее из произведений Мэллори, лаконичное повествование в форме квеста¹³, нечто среднее между его экспериментальным письмом и более прагматичной публицистикой. Его отчет хорошо показывает, что разведка 1921 года была путешествием в неизведанное – это особенно примечательно. Эверест еще не был отображен ни на одной подробной карте, и ни один житель запада пока не бывал к нему ближе чем на 60 миль¹⁴. На протяжении большей части пути по Тибету экспедиция не могла разглядеть гору, так как та была скрыта облаками.

Как искатель приключений и писатель Мэллори с нетерпением ждал, когда в поле зрения появится Эверест. Он ждал момента откровения, на который можно опереться в противовес разочарованию, постигшему его и товарищей на этом этапе. 12 июня они с партнером Гаем Буллоком¹⁵ поднялись на холм над рекой Яру и обратили взор в том направлении, где должен был находиться Эверест. В течение следующего часа облака постепенно расступались, поначалу показывая лишь проблески ледников и хребтов, пока наконец не открылись большой северный склон горы и ее пирамидальная вершина.

Он описал это зрелище в письме Рут от 15 июня, которое переработал, когда сел писать свои главы для экспедиционного дневника. Он также использовал сравнение, занимавшее цен-

¹² Мон-Моди (букв. «проклятая гора») – гора в массиве Монблан во Франции и Италии высотой 4 465 м.

¹³ Квест (англ. quest – «поиск приключений, выполнение рыцарского обета»). В греческой мифологии и литературе слово «квест» дословно обозначало определенный способ создания сюжета – путешествие к конечной цели главного героя, встречающего на пути различные сложности и задачи.

¹⁴ Около 96 км.

¹⁵ Гай Генри Буллок (1887–1956) – британский дипломат, наиболее известный участием в британской разведывательной экспедиции на Эверест в 1921 году.

тральное место в его устремлениях и жизни. «Очертания гор, проступающие сквозь туман, часто выглядят фантастически, – писал Мэллори. – Словно необузданное творение мечты».

Упоминание мечты встречается и в предыдущих письмах и статьях Мэллори, но здесь достигает пика своей силы. Стремление воплотить мечты вдохновляло Мэллори на решения и поступки; оно же дает ключ к пониманию как его самого, так и его коллег в их путешествии в неизвестность. Ради осуществления мечты они были готовы противостоять всем предстоящим опасностям – это свидетельство оптимизма и непокорности, лежащих в основе человеческой природы.

Я хотел бы добавить небольшой постскрипtum. В 2000 году была опубликована биография Джорджа Мэллори «Самая дикая мечта»¹⁶, написанная мной и моей женой Лени. Мы были обрадованы и польщены тем, как ее приняли, прежде всего, когда нашу книгу удостоили премии Бордмана-Таскера за произведения о горах¹⁷. Вскоре мы решились опубликовать и вторую книгу – собрание сочинений нашего главного протагониста и героя. За этим последовала знаковая и утомительная история о попытках найти издателя, который разделял бы наши убеждения. Нам трижды отказывали, а затем мы переключились на другой проект. Вот почему мы с восторгом, смешанным с завистью, узнали, что издательство Gibson Square Books публикует этот сборник произведений Мэллори. Мы верим и надеемся, что его читатели разделят наш взгляд на качества Джорджа Мэллори – смелой, прогрессивной и вдохновляющей личности – как в писательстве, так и в жизни.

---

¹⁶ В оригинале – *The Wildest Dream*. В 2010 году также вышел одноименный художественно-документальный фильм по биографии Мэллори, *The Wildest Dream: Conquest of Everest* – «Самая дикая мечта: Покорение Эвереста».

¹⁷ *The Boardman Tasker Award for Mountain Literature* – самая престижная ежегодная премия за вклад в альпинистскую литературу.

Покоряя Эверест

*От Эвереста мы не ждем пощады.
Джордж Ли Мэллори*

Глава первая. Альпинизм как искусство

Я различаю два типа альпинистов: тех, кто покоряет вершины профессии, и тех, кто вообще ничего не покоряет. Удручает мысль о том, как мало понимаю и сам; я с трудом могу поверить, что вторые настолько глупы, как я их себе представляю. Возможно, различать их нет смысла; возможно, это лишь вопрос отношения к делу. Тем не менее даже в этом случае позиция первого типа альпинистов – одержимых своим делом – вызывает меньший шок от диссонанса со вторыми. Скалолазание для первых означает нечто большее, чем просто развлечение, и важнее, чем остальные формы спорта для других людей, – оно имеет определяющее влияние на их жизнь. Если лишит их этого занятия, они ощущают некую деградацию, утрату достоинства. Для горящих альпинизмом скалолазание может стать одним из современных способов поиска и обретения себя, катарсисом, наряду с аскетическими странствиями, научными изысканиями и другими формами культуры – и более полным, чем любая из этих форм. Это хобби делает их высокомерными в отношении других видов занятий, ведь даже виртуозный охотник на тетеревов им не ровня. Альпинизм для них никогда не сравнится с полевыми видами спорта¹⁸. Он предполагает неизмеримое превосходство. И все же объяснения этому так и не было дано.

Я сам принадлежу к этому «высокомерному типу» и могу послужить хорошим примером, поскольку тоже спортсмен. Из этой предпосылки вовсе не следует некий вывод относительно моих привычек. Вы легко можете стать спортсменом, хотя никогда не ходили с ружьем под мышкой и не были блестящим наездником. Я спортсмен просто потому, что так обо мне говорят. Невозможно убедить людей в обратном, и жаловаться бесполезно. И, как только я смирился с судьбой и принял этот образ жизни, я начал с гордостью при возможности демонстрировать, что заслуживаю этот титул. Хотя спортсмен может быть непричастен к спортивным свершениям, тот, кто приобрел спортивную репутацию, по возможности проявит себя. Теперь совершенно очевидно, что любая экспедиция в высокие Альпы носит спортивный характер; она почти агрессивно спортивная. И все же мне не пришлось бы в голову доказывать свой титул каким-либо упоминанием скалолазания в Альпах, как и любому другому высокомерному альпинисту, который также может быть спортсменом. Мы возводим скалолазание на пьедестал над обычными развлечениями людей. Мы выделяем его и помечаем ярлыком особой ценности. И даже без особых заявлений это акт явного бунтарства. Это серьезное отклонение от обыденного стандарта правильности и неправильности, и если бы нам удалось определить ценность альпинизма, то мы бы полностью нарушили весь порядок общества – как если бы просвещенная публика стала есть яйца всмятку ножами и с презрением относиться к простакам, что едят их ложечками.

Но даже для бунтарей существуют правила поведения, как и для всех остальных. Общество как минимум ожидает от бунтарей, что они объяснятся. Прочие люди освобождены от этой обязанности, поскольку используют общепринятые ярлыки. Спортивная практика и религиозные обряды в свое время были поставлены выше или ниже необходимости их объяснения. Общество пометило их ярлыком «экстра-класса» и приняло без лишних вопросов, как пред-

---

¹⁸ Полевые виды спорта – виды спорта на открытом воздухе, особенно охота, стрельба и рыбалка.

посылку для априорных суждений. Мятежные меньшинства иногда вели себя точно так же и произвели революцию самым высокомерием своего догматизма. Люди, что любят подсолненную кашу, ввели моду, которая гласит, что правильно добавлять в кашу именно соль, хотя суть этой моды не более важна, чем обычай передавать бутылку слева направо, а не наоборот. Этот триумф обеспечен только самоуверенным высокомерием. Но верный метод бунтарей заключается в том, что они выставляют свои аргументы на всеобщее обозрение.

Одержимым скалолазам-профессионалам вроде меня нужно многое объяснить, и пора бы им начать это делать. Общеизвестно, что они подвергают свою жизнь опасности. Но с какой целью? Если только ради какого-то физического удовольствия, чтобы насладиться определенными движениями тела и испытать азарт соперничества, то это того не стоит. Альпинисты – это особенно безрассудная группа отчаянных безумцев; они пребывают на одном уровне с охотниками, но во много раз менее здравомыслящи. Единственное оправдание альпинизма, ставящее его на уровень выше простых физических ощущений, утверждает, что альпинист испытывает более глубокие эмоции; он извлекает некую пользу для своей души. Его оппонент может скептически отнестись к этому аргументу. Он может утверждать, что считает благом для души взятый им отпуск. Вероятно, это справедливо для любого, кто проводит заслуженные две недели отгула в здоровом отдыхе на море и возвращается оттуда лучше, то есть добродетельнее, чем был. Почему же радость альпинизма ценнее, чем от морского курорта? Что это за высшие эмоции, на которые намекает скалолаз? И если они действительно так ценны, неужели нет более безопасного способа их испытать? Обдумывают ли альпинисты эти вопросы и отвечают ли на них снова и снова, по мере обретения нового опыта, или довольствуются некой волшебной уверенностью, романтическим флером из-за давней относительной неосведомленности об их занятии?

Возможно, частые встречи с оппонентом, готовым спорить на эту тему, были бы полезным и держащим в тонусе средством. Но на практике я обнаружил, что редкие люди хотят всерьез обсуждать альпинизм. Полагаю, они воображают, что дискуссия со мной для них невыгодна; и должен признаться, что, если кто-нибудь поднимет этот вопрос, моим импульсом будет оттолкнуть его. Я могу напустить на себя презрительный вид в отношении цивилизации и бросаться пафосными фразами о прекрасных пейзажах, о божественном буйстве Природы в ее экстазе при сотворении гор – как человек, у которого есть секрет, и он не хочет его раскрывать, ведь все равно никто не поймет.

Таким образом, я обращаюсь к влиянию горных пейзажей на мое эстетическое восприятие. Но, даже если смогу описать словами истинное чувство, я ничего этим не объясню. Эстетическое наслаждение кровно связано с нашей деятельностью, но оно не объясняет и не оправдывает его. Никто и на миг не предполагает, что наши очевидно осознанные действия определяются всего лишь нашим желанием узреть нечто прекрасное. Горная железная дорога могла бы удовлетворить такой запрос. Обзорные площадки на нескольких станциях и скрытые все признаки собственного устройства – она может быть настолько качественно организована, что отважным владельцам билетов на поезд будут доступны все эстетические радости альпиниста. Железная дорога позволила бы достичь этой цели со сравнительно небольшими затратами времени. Вероятно, она даже имела бы решающее преимущество, позволяя всем любителям гор разделить эмоции с множеством своих собратьев. И все же идея внедрить такой механизм в заснеженную гору вызывает отвращение у любого альпиниста. Для него это выглядит своего рода изнасилованием. Факт подобного отношения указывает на важный нюанс – скалолазы отвергают исключительно эстетические соображения в качестве главного мотива.

Полагаю, что, по мнению многих людей, способных об этом судить, у альпинистов нет оснований претендовать на превосходство в стремлении к природным красотам, сопровождающим их дело. И, конечно же, многих охотников возмутило бы такое заявление. Поэтому

нельзя отделить альпинизм от охоты, основываясь на его достоинствах, утверждая, что только мы способны оценить гармонию между физическим и эстетическим, и никто больше.

Тем не менее я по-прежнему высокомерен и уверен в превосходстве альпинизма над всеми другими видами отдыха. Но что я подразумеваю под «превосходством»? И в какой мере оно выражается? На какой пьедестал мы возводим альпинизм? Какое место во всем человеческом опыте занимает опыт альпинистов? Ответы на эти вопросы должны быть тесно связаны с целостным объяснением нашей позиции; может оказаться, что они защищают альпинизм. Сразу стоит признать, что в периодических изданиях мало указаний на то, что наша деятельность связана с духовной стороной не меньше, чем с физической. Отчасти это связано с тем, что нам требуется конкретная практическая информация от любого человека, описывающего экспедицию. Наши журналы, за одним исключением, не претендуют на звание возвышенной литературы, а нацелены лишь на предоставление альпинистам полезных знаний. Вот почему мы пытаемся точно показать, где на горе пролегал наш путь и как именно на наше предприятие влияли состояние снега, льда, скал и погода, были они благоприятны или нет. Каковы фактические трудности, которые нам пришлось преодолеть, и опасности, с которыми нам пришлось столкнуться. Естественно, если учесть эти условия, импульс к литературному самовыражению исчезает; не столько потому, что эта тема неуместна, сколько потому, что ее слишком сложно раскрыть. Большая экспедиция в Альпах, скажем, пересечение Монблана, была бы превосходной темой для эпической поэмы. Но не все из нас хоть мало-мальски поэты, не говоря уж об уровне Гомера¹⁹ или Мильтона²⁰. У нас, конечно, есть лирическая поэзия, посвященная горам, и мы высоко ценим ее за то, что она выражает многие из наших чувств к ним. Но лишь по малой ее части можно заключить, что альпинизм в техническом смысле предлагает эмоциональный опыт, которого невозможно достичь иным способом. Несколько эссе и описаний действительно дают некоторое представление о том, что вовлечена именно духовная часть человека. Но большинство тех, кто описывает экспедиции, даже не рассматривают их как приключение, тем более – не рассуждают об эмоциональных переживаниях, свойственных альпинизму. Некоторые авторы после регулярных осторожных ссылок на очевидные факты вставляют абзац, вкратце посвященный эстетическому переживанию. Большая часть – и, возможно, самая мудрая – делает легкий намек на подобные чувства или вообще пренебрегает ими.

И все же не так уж и сложно писать об эстетических впечатлениях так, чтобы порадовать читателя. Если мы не слишком требовательны, многие писатели могут угодить нам в этом отношении. Даже не будучи взволнованы описанием до глубины души, мы можем довольствоваться историей любого, кто заставит нас поверить, что он испытал эстетическое переживание. Мы можем не прочувствовать его вместе с автором, но, если он найдет простые слова, будем в восторге от самого осознания, что он способен на те же переживания, что и мы. Но писатели-альпинисты, как правило, не преуспевают даже в этой малости. Если им хватает отваги попытаться описать закат или восход, при чтении часто ощущается неуверенность, что они и вправду это чувствовали, – даже если прекрасно знаем, что они переживали то же, что и мы.

Эти замечания о нашей горной литературе сделаны не в качестве порицания или разочарования; они высвечивают явления, которые можно объяснить не столько природой самих альпинистов, сколько характером их деятельности. Объяснение, которое мне кажется самим собой разумеющимся, легко вытекает из самой концепции альпинизма. Полагаю, что, выраженная или невысказанная, она является общей для всех нас, «высокомерных скалолазов». Мы не утверждаем, что наши эстетические переживания восходов и закатов, облаков и грома – самые важные детали альпинизма, но эти индивидуальные переживания в принципе неот-

---

¹⁹ Гомер (VIII век до н. э.) – древнегреческий поэт-сказитель, легендарный создатель эпических поэм – «Илиады» (древнейшего памятника европейской литературы) и «Одиссеи».

²⁰ Джон Милтон (1608–1674) – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов. Наиболее известен как автор эпической поэмы «Потерянный рай».

делимы от впечатлений и опыта всего восхождения, каталогизировать и передать как некий отдельный жизненный опыт. Эти детали не случайны в альпинизме, а жизненно важны, они – его неотъемлемая часть. Это не декоративные, а структурные элементы; это не различные объекты, вызывающие всплески эмоций, а части общего комплекса чувств, целого эмоционального фона. Они похожи на хрустальные горные озера, что встроены в окружение и обязаны своей жизнью непрерывному потоку.

Именно это единство делает тщетными столь многие попытки описать эстетические детали в отрыве от всего остального. В них ускользает суть, и потому эти тексты не трогают и не волнуют наши сердца, ведь в них описаны всего лишь фрагменты. Если мы выделим один момент и представим его эмоциональное свойство отдельно от целого, он потеряет саму суть, что придавала ему ценность. Значит, если мы описываем в эмоциональном ключе какую-либо часть экспедиции, мы должны писать так обо всем приключении от начала до конца.

Хорошо проведенный день в Альпах подобен великой симфонии. Анданте²¹, временами ускоряющееся до андантиссимо, в первой части – мрачный и мучительный подъем по морене²². Но все это вмиг забывается, когда голубой свет рассвета замерцает над твердым, чистым снегом! Возникает новый мотив – нежно и очень мягко вступают малые духовые инструменты, гобой²³ и флейты. Он еще отдаленный, но мелодичный и уже бесконечно обнадеживающий. В набирающем силу свете этот мотив подхватывают скрипки, и он взмывает на всех смычках, терзающих дрожащие струны, пока вершины, одну за другой, окутывает золотая паутина дня. А затем уже весь оркестр в торжествующем единении заполняет музыкой все пространство, резвясь в триумфальном веселье, потому что вот вы наконец маршируете, весь трепещущий от теплой крови, под ярким солнцем. И так в течение дня сменяющие друг друга настроения создают целую симфонию. Аллегро²⁴, когда вы довершаете экспедицию, но исход ее все еще под вопросом. Скерцо²⁵, когда вы перепрыгиваете через последние камни гребня²⁶ или прорубаете ступени на финальном коротком склоне, а ледяные осколки танцуют и плывут, искрятся, и брызжут, и прыгают с чарующим весельем по хрустящей поверхности в своей безумной глиссаде²⁷. А затем, на спуске, иногда снова анданте, ведь, хотя вершину еще предстоит покорить, вы забыли, что спуск может быть тяжелым и долгим. Но в конце снова скерцо – с затиханием на закате.

Все экспедиции в Альпах отличаются друг от друга так же, как различные симфонии, и каждая из них – это новый опыт. Не все одинаково полны надежды и силы. И меняется не только соотношение мрачного и приятного, но и качество этих и других ингредиентов, способ их смешения. Но каждое горное приключение эмоционально завершено. Дух отправляется в путешествие так же, как и тело, и у этого путешествия есть начало и конец, и оно переплетено со всем, что происходит между этими точками. Нельзя сказать, что одна часть вашего приключения была эмоциональной, а другая – нет, как нельзя сказать, что одна часть экспедиции

---

²¹ Анданте (итал. *andante*) – музыкальный термин, происходящий от итальянского глагола *andare*, «идти». В музыке им обозначают скорость, с которой должно воспроизводиться музыкальное произведение, и соответствует темпу в диапазоне от 76 до 108 ударов в минуту.

²² Морена – тип ледниковых отложений, созданный непосредственно ледником. Представляет собой неоднородную смесь обломочного материала – от гигантских глыб, доходящих до нескольких сотен метров в поперечнике, до глинистого материала, образованного в результате перетирания обломков при движении ледника.

²³ Гобой – разновидность двойного тростникового духового инструмента. Гобои обычно делают из дерева, но также могут быть изготовлены из синтетических материалов, таких как пластик, смола или гибридные композиты. Курмайором в долине Аоста и Шамони-Монблан в долине Арве.

²⁴ Аллегро (итал. *allegro*, букв. «весело, бодро, радостно») – музыкальный термин, указывающий на темп в исполнении.

²⁵ Скерцо (итал. *scherzo*, букв. «шутка») – часть симфонии, сонаты, квартета или самостоятельная музыкальная пьеса в живом, стремительном темпе, с острохарактерными ритмическими и гармоническими оборотами, в трехдольном размере.

²⁶ В оригинале *arête* – зубчатый гребень (или арет) – горное образование, имеющее сходство с полотном пилы.

²⁷ Глиссада – спуск по крутому заснеженному или осыпанному склону с помощью контролируемого скольжения на ногах или ягодицах.

была путешествием, а другая – нет. Вы не можете изъять части и по-прежнему иметь целое. Ценность каждой части зависит от всех остальных частей и от того, как она связана с ними. Великолепие восхода солнца в Альпах зависит от того, что было и что грядет; без умирающего дня и грядущей ночи закат поразила бы вас меньше, а огоньки в глубине долины потеряли бы очарование обещанного покоя. Более того, экстаз от покорения вершины обусловлен событиями подъема и перспективами спуска.

Горные пейзажи занимают в нашем сознании то же место, что и запоминающаяся мелодия. Нет разницы, ловлю ли я себя на том, что напеваю некую прекрасную симфоническую мелодию или смотрю на особое расположение скал и снега, или пика и ледника, или на что-то более скромное, вроде цветовой гармонии луга и душистого соснового леса в Альпийской долине. Впечатления от увиденных мест даже без зова возвращаются в наше сознание, так что в нашей памяти есть целая серия уголков, где мы любим проводить праздные минуты, – словно гостиницы, приглашающие нас на привал. И многие из этих пристанищ²⁸ настолько приятны и удобны, изучены нами вдоль и поперек, что мы мысленно легко переносимся туда, ведомые инстинктом возвращения домой, и не испытываем удивления, оказавшись там, какими бы далекими ни были эти места. Похоже, что у многих людей есть свой странный мир грез, где они любят непринужденно бродить, «сорвав земного разума вериги...»²⁹. Где нет ни усталого тела, ни тяжелых конечностей, но где наш дух течет безудержно, свободно и бесцельно, подобно ручью, что счастливо журчит в своем чистом песчаном ложе, беззаботно устремляясь в бесконечность. Мой личный мир грез довольно приземлен. Мои чертоги разума – это реальные и отчетливо воссоздаваемые в памяти места, которые нетрудно узнать. Совсем недавно, когда умозаключение, которое я излагал на бумаге, превратилось в спутанный клубок, я мысленно посетил один из этих чертогов. Юная река невозмутимо вьется по широкой поросшей травой долине; посреди равнины она извивается мягко, словно стеклянная змея, – долина настолько плоская, что ее уклон едва уловим. Зеленые холмы по обе стороны долины гладкие и приятные глазу и вдалеке смыкаются, но не до конца. Здесь поток ныряет далеко вниз по крутому и скалистому склону в тень более глубокой долины. Вы можете спуститься вслед за ним по неровной тропинке, а затем, свернув в сторону, не достигая дна второй долины, на поросшем травой карнизе найдете скромную гостиницу. Несколько сезонов назад это место посетили трое усталых путников в конце своего первого дня в Альпах. Оно невероятно уютное. Когда я обнаруживаю, что снова люблю детали этого пейзажа, то больше не брожу, объятый тенью тщетности, изводя себя. Восхитительная безмятежность охватывает все мое существо. Главная деталь другого места, которое я иногда мысленно посещаю, хотя уже не так часто, как раньше, – ряд одинаковых усеченных конусов с круглым основанием диаметром около 8 дюймов; они сделаны из красноватого песка. На самом деле они слеплены давным-давно, с помощью заполненных песчаной почвой цветочных горшочков – в загородном саду, где я провел значительную часть детства. Эмоциональная яркость этой картины более захватывающая, чем у предыдущей. Она напоминает о первом случае, когда я слепил песчаные куличики, и нечто в творческом порыве того момента в моем сознании навсегда связано с аккуратными маленькими кучками красноватого песка.

Должен сказать, что в норме для любого ярого альпиниста, чье воображение сотворено подобно моему, горы, естественно, будут представлять большую часть этого внутреннего мира. И наиболее важные сцены, вероятнее всего, будут соответствующими. Это само по себе свидетельствует, что горные впечатления, если они не ужасны, особенно ценны.

²⁸ В оригинале – Gorphwysfas – «места отдыха», если перевести на английский – гостевые дома в Уэллсе, деревне Трегеле на острове Англси, которые снимают, чтобы отдохнуть на побережье. Здесь употреблено в метафорическом смысле.

²⁹ Dull brain perplexes and retards – здесь Мэллори цитирует строку из стихотворения Джона Китса «Ода соловью», строка дана в переводе Е. Витковского

Трудно понять, почему определенные моменты обладают такой удивительной жизненной силой. Как будто в нашем внутреннем мире спрятана некая мистическая пещера, усыпанная драгоценными камнями, которые ждут только проблеска света, чтобы проявить свое скрытое величие. Какой принцип определяет эту жизнеспособность? Возможно, все еще подходит аналогия с восприятием музыки. Горные картины, по-видимому, воссоздаются в моем разуме снова и снова не только в том же качестве, что и мелодии из великого произведения (скажем, Моцарта или Бетховена), но и по той же отличительной причине. Места мелодий в моем подсознании определяет не просто интенсивность чувств от них, но, главным образом, иной принцип. Когда мелодия рвется, и недосказанная гармония рассыпается на голоса отдельных инструментов. Когда четкий ритм теряется в отдаленных заводях и водоворотах, сбитый с толку разум блуждает в замешательстве. Он испытывает раскаяние, не связывая его с причиной; горе, без упоминания печального события. Он плачет о невыполненных желаниях, не формулируя их объект. Но когда величавая волна музыки вздымается в решительном замысле, поднимая разбросанные обломки и вознося их разом в своем всеобъемлющем потоке, подобно высшему духу в дивном акте творения, то смутные желания и стремления удовлетворяются, страдания уносятся прочь, а божественная полнота гармонии овладевает всеми чувствами и разумом. Словно вселенная и отдельная личность слились в точном согласии, преследуя общую цель с эффективностью механического совершенства. Точно так же некоторые моменты дня восхождения вызывают у нас ощущение несбывшегося. Мы сомневаемся и дрожим. Идем вперед, но уже не преисполненными решимости достичь четкой цели. Наши планы не убеждают нас и рушатся. Мы больше не воспринимаем неудобства как неизбежность, которую нужно преодолеть. Дух и тело будто предают друг друга: но приходит время, когда все меняется, и мы испытываем гармонию и удовлетворение. Личность в некотором смысле погружена в себя, но не настолько, чтобы терять осознанность. Скорее, в такие моменты сознание особенно бдительно, и человек приходит к более тонкому постижению себя, чем когда-либо прежде. Именно мгновения, когда нас переполняет острое чувство наивысшей гармонии, всегда остаются с нами, становясь частью нас. Другие времена и события всплывают в нашей памяти мимолетными проблесками, пересекающими наш путь и тающими, как неуловимые призраки. Но более существенны те картины, что рождены в момент максимального созвучия с миром, они по-настоящему бессмертны. Некая эмоция может снова наполнить разум главной мелодией великой симфонии, что запечатлелась в памяти у всех, кто ее слышал, – так же легко в альпинистах пробуждаются образы горных пейзажей.

Но еще раз. Какова ценность нашего эмоционального опыта, полученного в горах? Мы можем показать путем сравнения, какие чувства испытываем, но нельзя ли сравнить наш и аналогичный опыт в других областях?

Представьте, как растаяло бы ледяное презрение надменного альпиниста, если бы ему прошептали на ухо: «Почему бы не бросить это и не заняться, скажем, футболом?» Конечно, если бы это замечание сделал футболист, альпинист бы просто подыграл ему, как малому дитя. Это та линия поведения, которой я придерживаюсь сам. Не могу вообразить, чтобы, например, настоящий президент «Альпийского клуба», если к нему подобным образом обратится глава Футбольной ассоциации, следовал иначе. Но предположим, что член «Альпийского клуба» сделал бы аналогичное предложение – с поправкой, чтобы это не казалось смешным, о гольфе вместо футбола, – представьте себе праведность и величину гнева футболиста! И все же стоит задуматься, не имеют ли футболисты, игроки в гольф и другие спортсмены этого мира некоего схожего опыта с нами. Судя по разнообразию внешности спортсменов, кажется, что нет. Но, если искренне хотим постичь истину, мы должны любой ценой докопаться и увидеть, что скрывается за лицами и одеждой спортсменов. К счастью, будучи спортсменом, я знаю их настоящие чувства. Мне вполне ясно, что подавляющее большинство переживают тот же опыт, что и альпинисты.

Мне это совершенно ясно, и даже слишком. Факт, что спортсмены крайне чувствительно относятся к своим видам спорта, одновременно так странен и правдив, что на его изучение вполне может уйти целая жизнь. Крайне приятно было бы задержаться среди любопытных жаргонов, диковинных манер – варварской сердечности, средневекового рыцарства, «хвалы» и «хвастовства» в их разнообразных проявлениях, – да и просто изучить выражения лиц разных представителей каждого вида спорта. И увидеть, как одинаково все эти маски преследуют одну главную цель – скрыть глубину истинных чувств. Но этими вещами нужно наслаждаться и переваривать их в часы досуга, и пока я должен отложить их в сторону. В данном случае хватает простых фактов. Восторг спортсменов при успехе, их подавленность при неудаче, их кипучая оживленность, когда они рассказывают байки, – это отличный материал для изучения. По его качеству можно увидеть стихийную игру эмоций у всех видов спортсменов. Футболисты, игроки в крикет и гольф, бейсболисты, баскетболисты и все игроки в мяч – короче говоря, из всех разновидностей (а их сто тридцать одна) – все грезят денно и нощно, как и мечтатели-альпинисты. Воображаемые чудеса бессмертны, каждое – в своем виде спорта. Кульминационный момент для игрока в мяч – это мгновение, когда тот чрезвычайно сильно и точно ударил круглый неодушевленный предмет. А мечта охотников по всей земле – людей, что охотятся на рыб, птиц и зверей всех видов, от окуня до пятнистого морского змея, от жирного фазана до изящного жаворонка или дрозда, от робкого оленя до монстра, выросшего в джунглях, – добыть животное, будь оно маленьким или огромным, нежным или свирепым. Спорт для спортсменов – это часть их эмоционального опыта, как альпинизм для альпинистов.

Как же тогда нам отличить альпиниста от спортсмена в эмоциональном плане?

Подавляющее большинство людей своего рода художники. Одни – активны и изобретательны, а другие участвуют пассивно. Без сомнения, те, кто творит, в чем-то принципиально отличаются от тех, кто не творит. Но их объединяет творческий импульс: все одинаково желают выразить эмоциональную сторону своей натуры. Поведение приверженцев высших форм искусства довольно ясно это демонстрирует. Пожалуй, ярче всего это проявляется в театре, в танце и в музыке. Артистами являются не только те, кто выступает, но и те, кто тронут их представлением. В этом плане артистов отличает не способность к выражению эмоций, а способность ощущать тот эмоциональный опыт, из которого создано искусство. Мы признаем это, когда говорим о людях как об артистах, хотя они и не претендуют на создание искусства. Все высокомерные альпинисты артистичны, независимо от любых других соображений, ведь они культивируют эмоциональный опыт ради него самого. И по той же причине они являются спортсменами. И не парадоксально утверждать, что все спортсмены (я имею в виду настоящих спортсменов) артистичны. Это просто логическое использование этого термина, как и следует. Большую часть человеческой расы можно описать этим эпитетом, одновременно размытым и специализированным, и так и должно быть. Нет особой разницы между человеком, которого обычно называют артистом, и спортсменом, который, как предполагается, не является творческой личностью. Напротив, спортсмен – это узнаваемый вид артиста. Когда мы не просто гонимся за сиюминутным удовольствием, как это сейчас делает повараха, болтающая с торговцем рыбой, забыв про мясо в духовке³⁰, – а стремимся к более отдаленной и важной эмоциональной цели – это часть природы Искусства. Это различие легко заметить и в мире спорта. Оно отличает того, кто занимается одиночной греблей, потому что ему нравится само упражнение или ощущение пребывания в лодке на воде, либо он хочет таким образом добраться до желаемого места, от того, кто тренируется ради гонки. Это разница между пинанием футбольного мяча и игрой в футбол. Это отличие катания на лошади для пользы здоровью и псовой охоты верхом на коне. Конечно, ни спортсмена, ни альпиниста нельзя обвинить в том, что они

³⁰ В оригинале she ought to be basting the joint, то есть повараха должна доставать из духовки и поливать выделившимся соком запекаемое мясо, чтобы сохранить его нежность, при этом в рецепте время имеет важное значение.

просто получают удовольствие. Они оба – артисты; и тот факт, что альпинист желает обрести эмоциональный опыт, не отдаляет его даже от фаната Футбольной ассоциации.

Но существует искусство и Искусство. Мы можем различать и самих артистов. Привычно, даже без точной классификации или порядка заслуг. Изящные искусства называются «изящными», вероятно, потому, что не все виды искусства мы считаем утонченными. Эпитет «артист» обычно применяется только к тем, у кого художественное чутье развито в особой степени.

Именно проводя эти различия, мы можем оценить то, что намеревались определить, – ценность альпинизма во всем порядке нашего эмоционального опыта. К какой части творческого восприятия человека относится альпинизм? К той его стороне, которую трогает музыка и живопись, или к той, что заставляет его наслаждаться игрой?

Задавая вопрос в такой форме, мы сразу видим пропасть, отделяющую надменного альпиниста от спортсмена. Казалось совершенно естественным сравнивать день в Альпах с симфонией. Для скалолазов моего типа альпинизм по праву сравним с симфонической музыкой. Но ни один спортсмен не стал бы искать – или не смог бы найти – подобное сравнение для крикета, охоты или любого другого вида спорта. Он признает существование возвышенного в большом искусстве и знает, даже если не чувствует, что оно волнует сердце совершенно иначе и гораздо мощнее. Но альпинисты не признают чувственной разницы между альпинизмом и искусством. Они утверждают, что нечто возвышенное и есть суть альпинизма. Они могут сравнить зов гор с мелодией чудесной музыки, и это сравнение уместно.

Глава вторая. Альпинистское ремесло

Можно сразу сказать, что это самый важный труд в альпинизме, изданный в этом поколении. Это утверждение не совсем верно, поскольку книга еще не вышла [1]. Но наши долгожданные надежды наконец-то воплотятся в течение нескольких недель. И мы не будем разочарованы. Эта книга куда важнее, чем кажется на первый взгляд. Она – даже больше, чем все, чего мы имели право ожидать.

Мистер Джеффри Уинтроп Янг является не только основным автором, но и редактором серии статей, где выступает соавтором. К написанию руководства были привлечены эксперты, что дополняют мистера Янга в технических вопросах: капитан Фаррар³¹ – эксперт по снаряжению, А. Г. Ланн³² – по альпинизму на лыжах, а Сидни Спенсер³³ – по фотографии. Также привлекались знатоки региональных особенностей за пределами Альп и Британских островов: мистер Уолластон³⁴ – эксперт по тропическим странам, мистер Мартин Конвей³⁵ – по Шпицбергену, мистер Реборн³⁶ – по Кавказу, мистер Джордж Финч³⁷ – по Корсике, доктор Лонгстафф³⁸ – по Гималаям, мистер Слингсби³⁹ – по Норвегии, мистер Малкольм Росс⁴⁰ – по Новой Зеландии, мистер Клод Эллиот⁴¹ – по Пиренеям и мистер Мамм⁴² – по Скалистым горам. Редактор, видимо, считает немалой частью успеха умение подтолкнуть экспертов к столь высокому уровню работы. Он действительно мог бы добавить к главе об искусстве управления альпийским отрядом дополнение об искусстве управления соавторами. Очевидно, их верно направляли, как они, без сомнения, и признают – или даже утверждают. Региональные статьи выполняют две функции. Они являются ценным введением в изучение различных регионов: альпинист может планировать кампании или хотя бы получить ментальное удовольствие от прочтения в минуты досуга. И они обобщают опыт альпинизма в этих регионах для практического руководства. Я и сам обладатель практичного склада ума и буду хранить эту вторую часть «Альпинистского ремесла», так сказать, на полке, пока на деле не составлю свои планы относительно Гималаев. Либо это могут быть Шпицберген⁴³ или Попокатапетль⁴⁴ (который, однако, не числится в каталоге, где я надеялся проверить, как верно пишется его название).

³¹ Капитан Джон Перси Фаррар (1857–1929) – английский солдат и альпинист.

³² Сэр Арнольд Генри Мур Ланн (1888–1974) – лыжник, альпинист и писатель.

³³ Сидни Спенсер (1862–1950) – альпинист, фотограф.

³⁴ Сэнди Уолластон (полное имя – Александр Фредерик Ричмонд Уолластон, 1875–1930) – английский врач, орнитолог, ботаник, альпинист и исследователь.

³⁵ Уильям Мартин Конвей (1856–1937) – английский искусствовед, политик, картограф и альпинист, совершавший экспедиции в Европу, а также Южную Америку и Азию.

³⁶ Гарольд Реборн (1865–1926) – орнитолог, альпинист (написал книгу «Искусство альпинизма»), военный; также занимался парусным спортом.

³⁷ Джордж Ингл Финч (1888–1970) – австралийский химик и альпинист.

³⁸ Том Джордж Лонгстафф (1875–1964) – английский врач, исследователь и альпинист. Первый человек, поднявшийся на вершину Трисул высотой более 7 000 м.

³⁹ Уильям Сесил Слингсби (1849–1929) – английский альпинист и исследователь гор из Карлтона, Северный Йоркшир.

⁴⁰ Малкольм Росс (1862–1930) – новозеландский журналист, альпинист и военный корреспондент во время Первой мировой войны.

⁴¹ Сэр Клод Аурелиус Эллиот (1888–1973) – английский школьный учитель. Он совершил сорок экспедиций в Альпы и множество других – в Уэльсе и Озерном крае.

⁴² Арнольд Л. Мамм (1859–1928) – исследователь канадских Скалистых гор и других гор по всему миру. Также был членом «Альпийского клуба» Канады.

⁴³ Шпицберген – обширный полярный архипелаг, расположенный в Северном Ледовитом океане.

⁴⁴ Попокатапетль – действующий вулкан в Мексике. Название происходит от двух слов на языке науатль: «попока» – «дымящийся» и «тепетль» – «холм», то есть «дымящийся холм». Автор же написал Popocatpetl – «Попокатапетль». Орфография автора сохранена.

Тем не менее я получил большое удовольствие и, надеюсь, некую пользу от чтения этих глав. Это локальный обзор на альпинистское ремесло, не простирающийся дальше Британских островов и Альп. Альпинист, который верит в свое искусство, вероятно, будет ради самого искусства стремиться к этим далеким высотам, даже если предпочел бы слово «ремесло».

Как можно видеть, я не пытаюсь анализировать этот труд. Рецензии не менее полезны в альпинизме, чем в других областях, поскольку позволяют более молодому и скромному поколению, выражаясь спортивным языком Олимпа, квалифицированно поблагодарить за полученный совет. Однако в данном случае вес советов, предлагаемых на этих страницах, не компенсировать никакими похвалами и комментариями. И есть еще одна трудность: я так же мало верю в беспристрастную дружбу, как и в частичную критику. Я отказываюсь смотреть на мистера Янга с высоты горы Олимп, поскольку имел честь подниматься с ним в горы и при восхождении неизбежно был бы осужден по тем же стандартам альпинистского такта, которые он излагает в этой книге.

Я, скорее, предположу, что вершина, о которой идет речь, уже покорена им. Вряд ли нужно говорить, что он покоряет ее самым грациозным образом, какой только можно вообразить. Очевидно, это не та вершина, на которой он хотел бы остаться, и он, похоже, не замечает заслуженных регалий. Читатель, однако, вряд ли о них забудет. Перед его глазами скапливаются все больше свидетельств, говорящих о достоинствах мистера Янга при его восхождении туда. Книга представляет собой упорядоченный обзор практики и принципов альпинизма. Но это также и отчет об опыте самого автора, который лежит в основе всех его теорий и суждений, и по этой причине он в высшей степени интересен. Для тех, кто принимает как данность блестящий послужной список конкретного альпиниста и объясняет его для себя какой-то простой формулой – например, говоря, что это итог удачного сочетания талантов, неиссякаемого энтузиазма, великолепного телосложения и смелого воображения, – для случайных же критиков неожиданностью будет узнать, с помощью какого детального и терпеливого искусства были достигнуты такие результаты. Оглавление само по себе является откровением. Мы обнаруживаем, что восемьдесят страниц посвящены «Управлению и руководству»; почти пятьдесят – «Комбинированному восхождению»; более двадцати – «Корректирующему методу», анализу подхода и чрезвычайным мерам предосторожности, предотвращающим несчастные случаи; «Разведка» занимает около тридцати страниц. Помимо всего этого, в отдельных главах рассматриваются техники обращения со снегом и льдом, скалолазание, а также использование проводников. И эта методология повсюду изложена весьма четко. У автора концентрированный, хорошо продуманный стиль, наполненный наблюдениями и разъясняющим анализом. Полнота этого подхода основана не только на теории, но и на живом богатом опыте, что рождено бдительностью ума в каждом конкретном случае и в отношении каждой детали альпинистской практики. Кроме того, она основана на размышлениях после самого события, стимулируемых сознательным и настойчивым желанием открыть законы там, где их можно обнаружить, овладеть каждым аспектом сложного искусства – можно даже сказать, создавать его.

Особенно в одном направлении мистер Янг, бесспорно, создал искусство – в своем психологическом отношении к альпинизму. Он максимально заботится о личных отношениях в альпинистском отряде. Ни один предыдущий автор так не подчеркивал их важность. Мистер Янг убеждает нас, что секрет успеха главным образом заключен именно в этом, и смело исследует детали взаимоотношений в группе, даже в нюансах, которые мы называем манерами. Он устанавливает уже знакомый нам стандарт – стандарт цивилизованных людей, которые не конкурируют, а сотрудничают. На первый взгляд может показаться, что нет нужды рассказывать нам, например, об этикете, который следует соблюдать, когда мы идем по пастушьей тропе на склоне горы. Но этот пункт рассмотрен со всех сторон. Ведь каким-то незначительным образом можно раздражать собеседника или, напротив, способствовать дружеским отношениям. Мы должны избегать малейшего повода для трений и делать все ради гармонии. Всякий раз, когда

лидер испытывает стресс из-за трудностей похода, курение позволяет из-за его социальной вовлеченности, чтобы человек мог поддерживать свою роль в «непринужденном молчании», которое является условием товарищества, а болтовня запрещена (как я за это благодарен!). Приветствуется открытая, но не агрессивная критика, намекающая на принцип взаимности в терпимости друг к другу.

Очевидно, что акцент автора на мелочах личных взаимоотношений исходит из предпосылки, что усилия и концентрация, требующиеся для занятий альпинизмом, неизбежно приводят нервы в состояние высокого напряжения. Необходимо сделать все, чтобы защититься от опасностей, связанных с нервным стрессом. В первой главе «Лидерство и управление» анализируются условия, при которых могут возникнуть эти опасности, последствия скуки и раздражения, ситуации, возникающие из-за чрезмерного возбуждения, и причины трений в отряде, наиболее опасных, когда их подавляют. Подумав, можно избежать или, по крайней мере, свести к минимуму сопутствующий вред. Альпинист, наблюдая за своим психическим состоянием и состоянием товарищей, может повысить коллективную уверенность, а от нее во многом зависят успех и всеобщая безопасность. Для лидера эта обязанность чрезвычайно важна. Другая его забота – упорядочить детали организации так, чтобы максимально исключить случаи трений и беспокойства.

Возможно, для альпиниста нет более пугающей перспективы, чем объем и сложность задач, о которых он должен думать, особенно если он – здесь не совсем подходят названия «руководитель» или «лидер» – я бы сказал, «босс» группы. Чтение этих страниц дома в часы заслуженного отдыха после напряженных и, возможно, непростых метаморфоз альпийского сезона может привести любого человека, принимавшего хотя бы скромное участие в управлении как своей судьбой, так и судьбами товарищей при восхождении, лишь к одному выводу. Он должен признать очевидную ограниченность своего опыта и что она наверняка всем известна. Так что ему придется либо отказаться от роли лидера – абсолютно и навсегда, – либо он должен задвинуть подальше свою гордыню и оставить в отеле все свои надежды, кроме самых приземленных. Амбиции великих свершений должны быть изгнаны даже из его мечтаний. Если он хочет нести хоть какую-то ответственность, для него должно остаться важным только содружество товарищей-стоиков, которые по тому же суровому закону, что и он сам, решили отправиться туда, где требуется только одно качество – терпение, и ничего больше. Или в лучшем случае он может стать самым скромным членом какого-нибудь здравомыслящего отряда, чьи устремления чуть более авантюرنы. Остальное – для сибаритов⁴⁵ или гениев (или даже обоих сразу), у которых есть одиннадцать месяцев в году для отдыха после месяца амбициозного и изнурительного альпинизма с неиссякаемыми возможностями истратить все силы.

Неотвратимую бурю из этих мрачных размышлений, в конце концов, должен пронзить луч надежды. Действительно ли психологическое искусство мистера Янга создано им для всех нас? Или, возможно (это предположение звучит тяжелым вздохом моего внутреннего голоса), оно подвластно только самому мистеру Янгу? Разве для других людей невозможно достичь того же результата иными методами? Научиться неким широким жестом отметать сложность, достигая уравновешенной и спокойной простоты. И в то же время обладать разносторонней компетентностью, необходимой современному лидеру, терпящему в любой, даже самой трудной, ситуации дурное настроение своих товарищей и даже свое собственное? В отношении себя я не питаю подобных иллюзий. Рассуждения автора неоспоримо убедили меня в этом. Для меня этот широкий жест мог бы означать только отказ от возведения воздушных замков. Это может и действительно должно быть личным вопросом – как деликатно подступаться к состоянию духа товарищей, когда они возбуждены действием, или хладны от бездействия, или раздражены неудачами, или подавлены разочарованием, или просто устали, потому что

---

⁴⁵ Сибарит – праздный, избалованный роскошью человек.

путь долог, а камни утомительны и снег глубок. Кредо каждого альпиниста в том, чтобы закалять себя вопреки силе обстоятельств. Но, как говорит нам мистер Янг, у альпиниста есть еще один долг: он должен научиться аналогично закалять остальных. Нет простого способа избежать этой заботы. Это нельзя оставлять на волю случая. Некоторые альпинисты, к счастью, настолько сочетают в себе сострадание, беспристрастность и неиссякаемую бодрость духа, что задача для них будет сравнительно легкой. Но ни один человек не может быть совершенен во всем, чтобы позволить себе пренебрегать случайностями и опасностями «внезапных идиотских ситуаций». И никакое упрощение не обеспечит ему собственный максимальный вклад в гармоничное поведение без его усилий.

Но если этот тезис осуществим (а я не считаю его фантазией), то можно найти и толику надежды на решение. Мистер Янг хотя и советует фехтование как «тренировку быстрой адаптации и молниеносных реакций тела», но ничего не говорит о каких-либо тренировках ума. Это единственная критика его книги, которую я могу предложить, и не из скромности, а из гордости. В ходе чтения этих глав в качестве рецензента я не раз находил то, что считал упущением, порой требующим добавить дополнительное умозаключение. Но, читая дальше, я неизменно обнаруживал, что моя мысль выражена в другом месте, с должным достоинством под другим заголовком, или представлена как более подходящая иллюстрация другого аспекта. И я досадовал на себя, что слишком забегаю вперед, предвосхищая содержание статей. Но наконец я обнаружил единственную настоящую недоработку. И, поскольку мистер Янг не дал никаких рекомендаций по тренировке наших умов, я возьму на себя привилегию предложить свою рекомендацию.

Альпийские сезоны слишком ненадежны, а жизнь слишком коротка, чтобы мы успели подготовиться к ситуациям, где более всего требуется достаточная степень психологической адаптированности. Но я полагаю, что тренировку ментальной выносливости можно устроить и в Англии. Предположим, группа из четырех человек может договориться потратить выходные на экспедицию по особым правилам, требующим проявления необходимых качеств. Представим их субботним или воскресным днем, в один из тех дней, что нередко выпадают в нашем умеренном климате, когда температура не слишком низка, а воздух влажный и сырой. Допустим, они отправляются из очаровательно непринужденной и светлой резиденции в Суррее в довольно дальний поход на Хиндхед⁴⁶

---

⁴⁶ Хиндхед – деревня в графстве Суррей, Англия. Это самая высокогорная деревня в Суррее со зданиями на высоте от 185 до 253 м над уровнем моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.